

КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**Институт международных отношений,
истории и востоковедения**

IRANICA

**ИРАНСКИЕ ИМПЕРИИ И ГРЕКО-РИМСКИЙ МИР
В VI В. ДО Н. Э. – VI В. Н. Э.**

**КАЗАНЬ
2017**

УДК 94
ББК 63.3
184

Научные редакторы:

доктор исторических наук **О. Л. Габелко**,
доктор исторических наук **Э. В. Рунг**,
кандидат исторических наук **А. А. Сеницын**,
кандидат исторических наук **Е. В. Смыков**

Рецензенты:

доктор исторических наук **С. Г. Карпюк**,
доктор исторических наук **Е. А. Чиглинец**

IRANICA: Иранские империи и греко-римский мир в VI в. до н. э. – VI в. н. э. /
184 под ред. О. Л. Габелко, Э. В. Рунга, А. А. Сеницына, Е. В. Смыкова. – Казань: Изд-во
Казан. ун-та, 2017. – 364 с.

ISBN 978-5-00019-823-0

Предлагаемая вниманию читателей коллективная монография посвящена различным аспектам взаимодействий Греко-римской цивилизации и Ирана. В разделах, составляющих книгу, рассматриваются контакты Запада и Востока в широком хронологическом диапазоне – с момента зарождения этих отношений и до завершения античной истории. На основе значительного круга источников и обширной историографии историки и археологи России и зарубежных стран (Австрии, Великобритании, Германии, Испании, Польши, Украины, Франции) обсуждают взаимоотношения Эллады и Ахеменидской империи, взаимное восприятие греков и персов, политику Александра Македонского в отношении иранских народов, роль иранского политического наследия в истории эллинистического мира, военно-политическое противостояние Римской республики и империи с Парфией, а затем с Сасанидским Ираном.

Коллективная монография адресована специалистам в области антиковедения и ориенталистики, международных отношений, истории культуры, преподавателям и студентам гуманитарных факультетов вузов, а также всем, кто интересуется историей и культурой древнего мира.

УДК 94
ББК 63.3

ISBN 978-5-00019-823-0

© Издательство Казанского университета, 2017

KAZAN FEDERAL UNIVERSITY

**Institute of International Relations,
History and Oriental Studies**

IRANICA

**IRANIAN EMPIRES AND THE GRECO-ROMAN WORLD
FROM THE SIXTH CENTURY BC
TO THE SIXTH CENTURY AD**

**KAZAN
2017**

Science editors:

O. L. Gabelko (Doctor of Historical Sciences),
E. V. Rung (Doctor of Historical Sciences),
A. A. Sinitsyn (Candidate of Historical Sciences),
E. V. Smykov (Candidate of Historical Sciences)

Reviewers:

S. G. Karpiuk (Doctor of Historical Sciences),
E. A. Chiglintsev (Doctor of Historical Sciences)

**IRANICA: Iranian Empires and the Greco-Roman World from the Sixth Century BC
184 to the Sixth Century AD** / O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov (eds). –
Kazan: Kazan University Press, 2017. – 364 p.

ISBN 978-5-00019-823-0

This multi-author monograph is the first historical study specifically dealing with the different kinds of contacts between Greco-Roman civilization and Iran in a broad chronological framework – from the origins of these contacts to the end of the ancient world. Distinguished historians and archaeologists from Russia and number of other countries (Austria, France, Germany, Poland, Spain, UK, Ukraine), drawing on many sources and an extensive historiography, consider political relations between Greece and the Achaemenid Empire, the mutual perception of the Greeks and Persians, the policy of Alexander the Great towards the Iranians, the Iranian component in the history and culture of the Pontic Kingdom as well as the relationship between Rome, Parthia, and Sasanian Iran.

The multi-author monograph is intended for specialists in the field of ancient history, oriental studies, international relations, history of culture, teachers and students in university departments of humanities, as well as for anyone interested in the history and culture of the ancient world.

ISBN 978-5-00019-823-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
Иран и античный мир: тысяча лет взаимоотношений (вместо введения) <i>О. Л. Габелко, Э. В. Рунг, А. А. Сеницын, Е. В. Смыков</i>	14
ГЛАВА I. Ахеменидская держава и ее соседи	31
1. Чужие как свои: евнухи при Ахеменидском дворе <i>А. П. Кивни</i>	31
2. Должность военачальника в Ахеменидской империи <i>Э. В. Рунг</i>	45
3. Греки в Ахеменидской перспективе по данным клинописных текстов из Вавилонии и Персеполя <i>Р. Роллингер, В. Ф. М. Хенкельман</i>	65
4. «Скифы» под Мемфисом (ираноязычные кочевники в египетской компании Артаксеркса III) <i>А. В. Вертиенко</i>	90
5. Ахеменидские «импорты» на территориях к северу от границ Ахеменидской державы <i>М. Ю. Трейстер</i>	103
ГЛАВА II. Греческий мир и Ахеменидская держава	127
1. «Когда нагрянул Мидиец...»: Иония под властью Ахеменидов во второй половине VI – начале V в. до н. э. <i>М. Ю. Лаптева</i>	127
2. Канаты и мосты Греко-персидской войны <i>А. А. Сеницын</i>	137
3. Договоры о дружбе между греками и персидскими царями <i>Э. В. Рунг, Е. А. Вендиктова</i>	172
4. «Невероятные приключения европейцев в Азии» (знаменитые афиняне VI–V вв. до н. э. на территории Ахеменидской державы) <i>И. Е. Суриков</i>	181
5. «Гробница Аминты» в Тельмессе и Аминта, сын Бубара <i>Ю. Н. Кузьмин</i>	214
ГЛАВА III. Греки и иранцы в эпоху эллинизма	224
1. Персия и провозглашение Александра Великого царем при Гавгамелах <i>К. Д. Навотка</i>	224
2. Иранская фаланга Александра Великого <i>М. Я. Ольбрыхт</i>	234
3. Восточная политика Селевка II в свете новой надписи из Ирана (предварительные замечания) <i>С. В. Смирнов</i>	248
4. От Даскилия к Синопе: заметки о персидских истоках династии Митридатидов <i>Л. Бальестерос Пастор</i>	257
5. Иранское наследие в Понтийском царстве <i>Е. А. Молев</i>	276

ГЛАВА IV. Рим, Парфия и Иран: перипетии взаимоотношений	284
1. Парфянский поход Красса: к вопросу о некоторых аспектах кампании 54 г. до н. э. <i>Е. В. Смыков</i>	284
2. Итинерарий Мая Тициана как отражение римско-парфянских взаимоотношений <i>И. В. Пьянков</i>	299
3. Из наблюдений за структурой «Парфики» Арриана: датировка и жанр произведения <i>С. М. Первалов</i>	304
4. Иран, Туран и Рум <i>Й. Визехёфер</i>	315
ГЛАВА V. Восприятие персов в греко-римской традиции	325
1. Кир Великий как царь: взгляд Геродота <i>А. С. Сапогов</i>	325
2. Героизированное описание персов в «Истории» Геродота <i>Ю. О. Змитрякова</i>	340
3. Аммиан Марцеллин о царстве Ахеменидов (опыт источниковедческого анализа) <i>В. А. Дмитриев</i>	346
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	356
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	359

CONTENTS

PREFACE	9
Iran and the Classical World: a thousand years of interaction (Introduction) <i>O. L. Gabelko, E. V. Rung, A. A. Sinitsyn, E. V. Smykov</i>	14
CHAPTER ONE. The Achaemenid Empire and its Neighbours	31
1. Outsiders as Insiders: Eunuchs at the Achaemenid Court <i>A. P. Keaveney</i>	31
2. The title of an army commander in the Achaemenid Empire <i>E. V. Rung</i>	45
3. The Greeks in an Achaemenid perspective according to cuneiform texts from Babylonia and Persepolis <i>R. Rollinger, W. F. M. Henkelman</i>	65
4. The “Scythians” at Memphis (Iranophone nomads in the Egyptian campaign of Artaxerxes III) <i>H. V. Vertiienko</i>	90
5. Achaemenid “Imports” to territories to the north of the Achaemenid state <i>M. Yu. Treister</i>	103
CHAPTER TWO. The Greek World and the Achaemenid Empire	127
1. “When the Mede arrived...”: Ionia under the rule of the Achaemenids from the second half of the sixth to the beginning of the fifth century BC <i>M. Yu. Lapteva</i>	127
2. Ropes and bridges of the Persian War <i>A. A. Sinitsyn</i>	137
3. Treaties of friendship between the Greeks and the Persian Kings <i>E. V. Rung, E. A. Venidiktova</i>	172
4. Famous Athenians of the sixth and fifth centuries BC in the territory of the Achaemenid Empire <i>I. Ye. Surikov</i>	181
5. “The Tomb of Amyntas” at Telmessus and Amyntas, son of Bubares <i>Yu. N. Kuzmin</i>	214
CHAPTER THREE. The Greeks and the Iranians in the Hellenistic period	224
1. Persia and Alexander the Great’s proclamation at Gaugamela <i>K. D. Nawotka</i>	224
2. The Iranian phalanx of Alexander the Great <i>M. J. Olbrycht</i>	234
3. The Eastern Policy of Seleukos II in the light of a new inscription from Iran (preliminary remarks) <i>S. V. Smirnov</i>	248
4. From Dascylium to Sinope: remarks on the Persian roots of the Mithridatid dynasty <i>L. Ballesteros Pastor</i>	257
5. Iran’s legacy in the Pontic Kingdom <i>E. A. Molev</i>	276

CHAPTER FOUR. Rome, Parthia and Iran: the Vicissitudes of the Relationship	284
1. The Parthian campaign of Crassus: some aspects of the campaign of 54 BC <i>E. V. Smykov</i>	284
2. The itinerary of Maes Titianus as a reflection of Roman-Parthian relations <i>I. V. Pyankov</i>	299
3. Some notes on the structure of Arrian’s “Parthica” <i>S. M. Perevalov</i>	304
4. Iran, Turan and Rum <i>J. Wiesehöfer</i>	315
CHAPTER FIVE. Perception of the Persians in the Greco-Roman Tradition	325
1. The kingship of Cyrus the Great: Herodotus’ view <i>A. S. Sapogov</i>	325
2. The heroized description of the Persians in Herodotus’ <i>Histories</i> <i>Yu. O. Zmitryakova</i>	340
3. The Achaemenid Kingdom in Ammianus Marcellinus’ account (a source-study analysis) <i>V. A. Dmitriev</i>	346
ABBREVIATIONS	356
CONTRIBUTORS	359

2. Должность военачальника в Ахеменидской империи*

Э. В. Рунг

В работах современных исследователей, посвященных системе управления в Ахеменидской империи и военной деятельности персидских царей, преобладает мнение, что носитель должности *карана* был главнокомандующим всей персидской армии, собранной для ведения боевых действий в том или ином регионе.

Й. Визехёфер видел в *каране* «главнокомандующего западной Малой Азии с особыми полномочиями»¹. С. Рузика считает *карана* «высшим военным командиром» (supreme military commander)². По мнению же П. Бриана, *каран* был сатрапом или высшим чиновником, который являлся главнокомандующим армии, уполномоченным собирать войска с большей территории, военачальником с исключительно широкими полномочиями³.

Специальных работ о функциях *карана* немного. Так, автор одной из таких работ, Т. Пти, считал *карана* военачальником, ответственным за сбор и командование войском с определенной территории (*топархии*), и отмечал важную роль *каранов* в территориальной экспансии Персидской империи при Дарии I и Ксерксе. Появление же *каранов* исследователь связывает с тем, что начиная с Дария I цари все чаще начинают отказываться от личного командования войсками и препоручают это своим доверенным представителям – *каранам*. Т. Пти выделяет два периода в эволюции должности *карана*. По реформе Дария I в первый период имело место отделение административной системы управления, представленной сатрапами, от военной, которую олицетворяли *караны*. Во второй период, при Дарии II, произошло объединение этих систем управления в руках одного чиновника, и сатрапы стали носителями должности *карана*. Наконец, этот исследователь доказывает, что должность *карана* не была постоянной, а давалась тому или иному военачальнику только на время военной кампании⁴. Э. Кин, в частности, называет *карана* полномочным командиром на западе Персидской империи, который занимал по своему положению должность выше обычного сатрапа. По мнению этого исследователя, назначение царем *карана* было вызвано военной необходимостью и не сопровождалось заменой сатрапов на своих местах. Как считает Э. Кин, «сатрап мог действовать в пределах области, управляемой *караном*»⁵.

В данной работе предполагается показать, что *каран* – это как название конкретной должности главнокомандующего, так и термин, обозначающий военачальника вообще, само по себе без определения его полномочий (последние

* Автор выражает благодарность профессору К. Таплину (Ливерпуль) за ценные комментарии и замечания, высказанные в процессе подготовки данной работы. Сокращенная версия этой статьи была опубликована в издании «Iranica antiqua» (Rung 2015, 333–356).

¹ Wiesehöfer 1994, 60; 1996, 61.

² Ruzicka 1985, 204.

³ Briant 2002, 321, 340, 878.

⁴ Petit 1983, 35–45; 1990, 135–144.

⁵ Keen 1993, 88–95.

требовали дальнейшей конкретизации). Для доказательства этой точки зрения далее будут привлечены свидетельства источников, где сатрапы и военачальники часто разделялись по своим должностным обязанностям, а не были прямо соподчинены друг другу. Прежде всего обратимся к Ксенофону.

Ксенофонт является единственным из античных авторов, который употребляет слово «*каран*» (κάρανος) в своей «Греческой истории» (I. 4. 3) при цитировании письма персидского царя Дария II, в котором тот обращался к своим подданным в Малой Азии, представляя нового сатрапа и командующего – своего сына Кира Младшего: «Посылаю Кира караном собирающихся на Кастоле. Каран же означает глава» (Καταπέμνω Κῦρον κάρανον τῶν εἰς Καστωλὸν ἀθροισμένων. τὸ δὲ κάρανον ἔστι κύριον). Итак, Ксенофонт объясняет должность κάρανος словом κύριος – «повелитель» (термин обозначает в греческом языке носителя власти⁶), а в двух других сообщениях (в «Анабасисе»: I. 1. 1, 9. 7), вероятно, предполагает ее, говоря о назначении Кира на должности στρατηγός и σατράπης⁷. Кроме того, историк определенно отделяет должность военачальника от должности сатрапа, когда замечает, что Дарий II сына своего Кира «сделал сатрапом и назначил стратегом» (σατράπην ἐποίησε, καὶ στρατηγὸν... ἀπέδειξε). Э. Кин, интерпретируя данное свидетельство Ксенофонта, считает Кира только лишь караном, а не реальным сатрапом⁸, поскольку, по мнению этого исследователя, все прежние сатрапы должны были сохранить свои должности и оказаться в непосредственном подчинении *карана* Кира⁹. Однако, во-первых, объяснение κάρανος как κύριος в «Греческой истории» не случайно, так как в «Анабасисе» тот же историк стремится описать очевидно ту же самую должность, но уже посредством двух терминов – στρατηγός и σατράπης, а это, видимо, предполагает, что полномочия κάρανος должны были включать в себя военные и административные функции, а во-вторых, как станет ясно далее, хотя царский военачальник мог и не иметь сатрапских полномочий, но сатрап мог получить дополнительные полномочия военного командования в связи с назначением его на должность κάρανος.

Очевидное разграничение должности персидского военачальника и сатрапа присутствует и в одном сообщении (псевдо-)Аристотеля в его трактате *De Mundo* (398a):

⁶ Liddell, Scott 1996, s. v. κύριος (“having power or authority over; lord, master”).

⁷ Согласно Ксенофону, Дарий Кира σατράπην ἐποίησε, καὶ στρατηγὸν δὲ αὐτὸν ἀπέδειξε (Xen. *Anab.* I. 1. 1); Кир κατεπέμθη ὑπὸ τοῦ πατρὸς σατράπης Λυδίας τε καὶ Φρυγίας τῆς μεγάλης καὶ Καππαδοκίας, στρατηγὸς δὲ καὶ πάντων ἀπέδείχθη (Xen. *Anab.* I. 9. 7). Собственно говоря, К. Таплин справедливо замечает: «Внимательное прочтение (Ксенофонта – Э. Р.) предполагает, что титул *каран* определяет должность Кира как “правителя тех народов, которые у моря”... и совокупность сатрапий – совсем особое дело; каран не должен был иметь этих сатрапий (так что говорить о Кире как *каране* Лидии и т. п. неправильно)...» (Tuplin 2007, 12).

⁸ Кин (1993, 91) замечает, что термин «сатрап» в греческих источниках означал должностных лиц более низкого ранга (“officials of a lower rank”), так что в случае Кира термин «сатрап» мог означать более высокую должность, чем обычно (“more senior officer than usual”).

⁹ Keen 1993, 91.

«Власть над всей Азией – от Геллеспонта на западе до Индии на востоке – делили между собой, управляя каждый своим народом, стратеги, сатрапы и цари – все рабы великого царя» (пер. И. И. Маханькова).

И, наконец, такое разграничение уже встречается в труде Геродота, который по отношению к сатрапам обычно использует слово ὑπαρχος – «наместник» (III. 20, 126; IV. 166; V. 25, 73, 123; VI. 1, 30, 33, 42; IX. 113)¹⁰, а применительно к царским военачальникам – στρατηγός. Означает ли это, что во всех случаях употребления Геродотом этого последнего слова по отношению к персидскому командиру следует видеть носителя должности *карана*?

Для подтверждения нашего тезиса о том, что термин *каран* использовался у древних персов для обозначения военачальника вообще, без определения его узких полномочий, обратимся к семантике слова κάρανος. Правда, справедливости ради следует заметить, что далеко не все исследователи видели связь слова κάρανος с древнеперсидским *kāra*. Так, например, П. Шантрэн и Х. Фриск в своих этимологических словарях древнегреческого языка выводили это слово от κάρα или κάρηνον – «глава», которые присутствовали в дорийском диалекте¹¹. Однако это мнение справедливо подверг критике Т. Пти. Он считал, во-первых, что было бы странным, если бы Ксенофонт сделал перевод для своих читателей слова, заимствованного им из греческого языка, а во-вторых, что присутствие греческого термина было бы неуместным в письме, которое было адресовано Великим царем своим чиновникам¹². Эти два обстоятельства, по мнению исследователя, позволяют думать, что слово *каран* было персидского происхождения. В настоящее время является почти что общепризнанным в историографии, что слово κάρανος происходило от древнеперсидского слова *kāra*, которое имело значение народ/войско: это мнение, по всей видимости, впервые озвучил еще Г. Виденгрэн¹³.

К. Геблер и Д. Третен, обращаясь к семантике этого слова, полагают, что *каран* – это просто командир *кары*; слово же **kārana* образовано от *kāra* путем

¹⁰ Как Σαρδίῳ ὑπαρχος Геродот определяет сначала Оройта (III. 120), а далее – Артаферна, сына Гистаспа (V. 25, 73, 123; VI. 1, 30, 42). В качестве ἐν Δασκυλείῳ ὑπαρχος «отец истории» называет Метробата (III. 126) и Эбара (VI. 33), занимавших эту должность при Дарии I. Подобным образом сатрапами можно считать и Арианда – наместника Египта при Камбизе, и Масиста – наместника Бактрии при Ксерксе: один определяется Геродотом (IV. 166) как τῆς Αἰγύπτου ὑπαρχος, а другой как ὑπαρχος τῶν Βακτρίων соответственно (IX. 113). Однако можно ли считать сатрапами – равными по должности наместникам Сард, Даскилия, Египта и Бактрии, например, Сандока, сына Фамасия – он называется τῆς Αἰολίδος ὑπαρχος при царе Ксерксе (VII. 194), или же перса Артаикта – обозначается как Σηστοῦ ὑπαρχος (VII. 33)? Вполне понятно также, что последние были низшего ранга, но назывались ли они также «сатрапами», сказать довольно трудно ввиду того, что Геродот терминологически никак не отделяет их от более высокопоставленных ахеменидских сановников. И явно уже не был равным по положению Оройту и Артаферну эллин Ликарет, сын Меандрия, который, согласно Геродоту (V. 27), был назначен персами ὑπαρχος Лемноса.

¹¹ Chantraine 1968, 496; Frisk 1960, 788.

¹² Petit 1983, 35–36.

¹³ Widengren 1969, 106. О различных коннотациях слова *kāra*: Бенвенист 1995, 89–91.

присоединения суффикса *-na/-no* по правилам индоевропейского словообразования для обозначения лица во главе того или иного социального института (исследователи приводят некоторые аналогии, среди которых называют, например, латинские *tribunus* от *tribus*; *dominus* от *domus*)¹⁴. Таким образом, отсюда следует предположение, что древнеперсидское слово для обозначения военачальника должно было выглядеть как **kārana-*. Н. Секунда же замечает, что в древнеперсидском, как и в санскрите, глагол *nay* переводится как «вести»¹⁵, и, таким образом, по мнению исследователя (этот вариант также нельзя исключать), слово *каран* должно происходить от **kāra-nay* – «предводитель войска»¹⁶. Дополнительным аргументом в пользу последней точки зрения является и то, что подобным образом ведь и слово *στρατηγός* является композитом, поскольку образовано от сочетания существительного *στράτος* и глагола *ἄγω*; последнее как раз и могло побудить античных авторов интерпретировать *κάρανος* именно как *στρατηγός*¹⁷.

Наконец, как это подметили некоторые исследователи¹⁸, представляется возможным провести некоторые параллели между *κάρανος* и греческим словом *κοίρανος* – «повелитель», а также ЛИ *Κοίρανος* и *Κάρανος*. В первом случае речь не идет, конечно, о заимствовании, поскольку слово *κοίρανος* впервые встречается уже в гомеровском эпосе (Ном. II. II. 204–205, 487, 760); скорее можно говорить об общих индоевропейских корнях¹⁹. Однако невозможно установить правильное звучание слова *κάρανος* на древнеперсидском (**kārana-* или же **kāra-naya*), ибо в ахеменидских царских надписях это слово (в отличие от *kāra*) не встречается, хотя дважды присутствует на эламском языке в PF 1300: 3; 1384: 3 – в них, в частности, делается ссылка на человека с ЛИ *Kārana/Kārina* – производное от др.-перс. *kāra*²⁰. Термин *каран*, очевидно, продолжал использоваться в Иране и в эпоху эллинизма, о чем, например, свидетельствует драхма Вабарза/Оборза – селевкидского наместника, содержащая

¹⁴ Haebler 1982, 85; Treten 1991, 174.

¹⁵ См.: Kent 1953, 193.

¹⁶ Sekunda 1988, 74. О других производных от слова *kāra*: Tavernier 2007, 226, 277. Критика точки зрения Н. Секунды см.: Schmitt 2002, 58, Anm. 48 (автор придерживается традиционной точки зрения, что слово «каран» было образовано от иранского термина **kārana-*, который происходит от слова *kāra* «войско» с добавлением “Führer-Suffi” – *no*).

¹⁷ По мнению Н. Секунды, с позиций древнеперсидского языка еще одним обозначение персидского военачальника должно было быть слово **karapatiš* – «командир кары» (Sekunda 1988, 74). И это слово действительно встречается в PF 1340: 4; 1341: 4 в эламской форме как *karabattiš*. Правда, Р. Хэллок переводит название этой должности как «предводитель каравана», однако Н. Секунда полагает, что значение этого слова неопределенно (одно из возможных значений этого слова – «предводитель народа»: Tavernier 2007, 235). По моему мнению, сочетание **karapatiš* было бы возможным в том случае, если бы *кара* была структурным подразделением персидского войска, а не обозначением самого войска/народа. Наиболее близкая параллель – **hazārapatiš* – «командир тысячи».

¹⁸ Petit 1983, 37; Klinkott 2005, 322, Anm. 42.

¹⁹ Имя же Карана, основателя македонской династии Аргеадов, по мнению Клинкотта, могло быть связано с персидскими контактами в конце VI в. до н. э. (Klinkott 2005, 322, note 42).

²⁰ Tavernier 2007, 226 ff.

арамейскую легенду *krny* – по практически единодушному мнению исследователей, – сокращение от *kārān* или *kāren* – военачальник²¹. Этот термин продолжал употребляться и в Парфии, и в сасанидском Иране²². Однако весьма примечательно, что в недавно опубликованных документах из Бактрии, датированных позднеахеменидским периодом (IV в. до н. э.), тот же самый арамейский термин *krny* применен уже к некоему персидскому чиновнику Виштаспе²³, который может быть идентифицирован с персидским военачальником, «бактрийцем» Гистаспом, известным из греческих источников, повествующих о походе Александра (Arr. *Anab.* VII. 6. 5; Curt. VI. 2. 7)²⁴.

Большинство примеров употребления в Бехистунской надписи *kāra* показывают, что это слово не следует считать каким-либо *terminus technicus*, например, разновидностью персидской военной терминологии. В этом документе слово *kāra* встречается в значении народа/войска, в том числе как в отношении собственно лояльных царю Дарию персов, мидян, так и его противников (DB. 18 E, H, N; 19 F, K; 24 F; 25 B, E, I, K, S, V; 26 F, P; 27 H; 28 H; 29 F, P; 30 H; 31 H, L; 33 F, J, L, P; 35 I, N; 36 B, D, E, J; 38 J, K, O; 41 B, F, G, L, P, 42 D, J; 45 C, J, O; 46 H; 47 C, H; 50 B, F, G; 71 L; 74 B, F)²⁵. Между тем в Бехистунской надписи действительно встречается древнеперсидское обозначение военачальника в Ахеменидской империи, но оно совершенно не связано ни с *kāra*, ни с **kārana-/*kāra-naya*. Это слово *maḍišta*. Его первоначальное значение представляет собой прилагательное «величайший»²⁶, однако в некоторых специфических случаях оно могло означать военного лидера, причем это слово используется применительно как к командирам войска Дария I (DB. 25 E–G; 33 F–H;

²¹ Shaeuagan 2011, 170–171, note 533.

²² О легенде *krny* на драхме Аршака I см.: Sellwood 1983, 280.

²³ Naveh, Shaked 2012, 190–191. Издатели восстанавливают слово *krny* как *Karanya* и далее полагают, что это не было названием должности, но обозначением семьи, т. е., по их мнению, Виштаспа был из семьи Карена (*Kāren*). Однако Дж. Хайленд доказывал, что слово *krny* обозначает именно должность Виштаспа – *каран* (пользуясь случаем, хотел бы выразить благодарность Дж. Хайленду, который позволил мне ознакомиться с его статьей еще до ее публикации: Nyland 2013).

²⁴ См.: Heckel 2006, 142; Arr. *Anab.* VII. 6. 5: Ὑστάσπης ὁ Βάκτριος.

²⁵ Здесь и далее ссылки на древнеперсидские надписи даются по новейшему изданию Р. Шмитта (Schmitt 2009).

²⁶ О переводе этого слова см.: Kent 1951, 201–202 (“greatest, equal to ‘crown prince’ in XPf”). Предполагается, что слово *maḍišta* индоевропейского происхождения и в древнегреческом, например, его эквивалентом является слово μέγιστος (Taylor 2003, 52), а также нашло отражение в имени Масист/Масистий – Μασίστης/Μασίστιος (Hdt. VII. 79, 82, 121; IX. 20, 107–108, 110–111, 113). В историографии встречается мнение, что *maḍišta* (вторым после царя) в Ахеменидской империи могли называть царского наследника (Briant 2002, 520, 524; Kuhrt 2007, 244). Основанием для такого мнения служит выражение в одной надписи Ксеркса: «Другие сыновья Дария были, но таково было желание Ахурамазды, чтобы мой отец сделал меня *величайшим* после него» (*Dārayavahauš pucā aniyaici āhantā / A.uramazdām avaḍā kāta āha; / Dārayava.uš haya manā pitā / pāsa tanūm / mān maḍišta akunauš*) (XPf. 4 E). По моему мнению, использование в данном контексте термина *maḍišta* также может быть вполне объяснимо, но это не исключает использование его и в других контекстах, религиозном или военном (см.: Рунг, Орлов 2016, 83–91).

41 В–Е; 50 В–D; 71 J–K), так и к его противникам, которые возглавляли армии мятежников (DB. 23 E; 25 O; 38 E; 45 F; 47 C; 71 H, P). Почему в Бехистунской надписи не используется слово *каран*? Это можно объяснить или тем, что в начале правления Дария I (время составления надписи) это обозначение еще не было в употреблении, или тем, что *maḏišta* является в документе его эквивалентом. Оба варианта не исключены. В эламской версии Бехистунской надписи в значении военачальника используется слово *irsara* (DB. I. 25)²⁷, которое является близким эквивалентом *maḏišta* по своему первоначальному значению (также переводится как «величайший»), однако обращение к строкам вавилонской версии этой надписи показывает, что в значении военачальника там используется соответствующий аккадский термин *rabû* с довольно широким спектром значений (DB. I. 73, 79)²⁸, одним из которых является обозначение военного командира²⁹; именно этот термин, особенно в сочетании *uqu rabû* (DB. I. 82) (*uqu* – народ/войско – вавилонский эквивалент древнеперсидского слова *kāra* в Бехистунской надписи) является переводом στρατῆγός в вавилонских текстах пост-ахеменидского периода³⁰, а в контексте Бехистунской надписи – наиболее близкий по значению к слову *каран*. В арамейской же версии Бехистунской надписи (DB. I. 59) используется выражение *rb 'l[hy]* – «командир войска», которое соответствует аккадскому *uqu rabû*, а значит, и древнеперсидскому *карану*³¹. Таким образом, большее, что можно получить из этих семантических изысканий, так это то, что в древнеперсидском языке слово *каран* не имело узкого специфического применения и, таким образом, действительно могло соотноситься по своему происхождению, значению и сфере применения с древнегреческим словом στρατῆγός. Исходя из сказанного понятна и та конкретизация/уточнение (указание на сборное место или территорию командования), которую могли привносить персы, как мы увидим ниже, при использовании ими слова «каран» в значении военачальника, а греческие авторы также используя его эквивалент в виде слова στρατῆγός³².

В трудах различных античных авторов по отношению к ряду наиболее знаменитых персидских военачальников говорится об их положении как стратегов или же сатрапов приморских народов/областей Азии. Подборку сведений из источников можно представить следующим образом (в соответствии с хронологией деятельности упомянутых у античных историков лиц):

²⁷ Издание эламской версии Бехистунской надписи: Vallat 1977.

²⁸ Согласно современному словарю ассирийского языка, слово *rabû* может переводиться как «глава, предводитель, старейшина, важный, могущественный, великий, знатный» и т. д. (Reiner *et al.* 1999, s. v. *rabû*).

²⁹ В ассирийской армии *rabû* был частью обозначения должности военного командира (Reade 1972, 103; Dalley 1985, 32; Postgate 2000, 107).

³⁰ Stolper 2006, 223–260.

³¹ Greenfield, Porten 1982, 44–45; ср. Folmer 1995, 272, 319.

³² Собственно говоря, и в греческом языке слово στρατῆγός обозначало как военачальника вообще, так и должность конкретного военачальника с указанием его полномочий.

Гарпаг: ἐπὶ τῆς θαλάττης στρατηγός (Diod. IX. 35. 1)
Отан: στρατηγός τῶν παραθαλασσίων ἀνδρῶν (Hdt. V. 25)
Артаферн: τῶν δ' ἐπιθαλασσίων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ ἄρχει πάντων (Hdt. V. 30)
Гидарн: στρατηγός δὲ τῶν παραθαλασσίων ἀνθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ (Hdt. VII. 135)
Артабаз: σατράπης βασιλέως ἐπὶ τοῖς πρὸς θαλάσση ἔθνεσιν (Them. *Epist.* 16)
Тиссаферн: στρατηγός τῶν κάτω (Thuc. VIII. 5. 5)
 ----- ὁ τῶν ἐπὶ θαλάττης τόπων ἔχων τὴν στρατηγίαν (Diod. XIII. 36. 5)
Кир Младший: ἄρξων πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ (Xen. *Hell.* I. 4. 3)
 ----- Λυδίας σατράπης καὶ τῶν ἐπὶ θαλάσση στρατηγός (Plut. *Artax.* 2. 5)
 ----- ὁ τῶν ἐπὶ θαλάττης σατραπειῶν ἡγούμενος (Diod. XIV. 19. 2)
 ----- ἐπὶ θαλάττης ἤρχε σατραπειῶν (Diod. XIV. 26. 4)
Струф: στρατηγός... ἐπὶ θάλατταν (Xen. *Hell.* IV. 8. 17; Diod. XIV. 99. 1)
Оронт: (правитель) τῆς παραθαλασσίου πάσης... σατραпеῖαν (Diod. XV. 91. 1)
Ментор: ἐν τοῖς παραθαλαττίοις μέρεσι τῆς Ἀσίας ἡγεμὼν μέγιστος (Diod. XVI. 50. 7)
 ----- σατράπης τῆς κατὰ τὴν Ἀσίαν παραλίας (Diod. XVI. 52. 2)
Мемнон: τῆς τε κάτω Ἀσίας καὶ τοῦ ναυτικοῦ παντὸς ἡγεμῶν (Arr. *Anab.* I. 20. 2)
 ----- τοῦ τε ναυτικοῦ παντὸς ἡγεμῶν... καὶ τῆς παραλίου ξυμπάσης (Arr. *Anab.* II. 1. 2)

Несколько необычно выглядит должность Тиссаферна: Фукидид (VIII. 5. 5) определяет ее как *στρατηγός τῶν κάτω*³³. Э. Эндрюс полагает, что *τῶν κάτω* означает “men by or near sea” и, таким образом, относится к жителям прибрежных областей Малой Азии или к войскам, расположенным там. Этот исследователь соотносит слово *οἱ κάτω* с *παραθαλάσσιοι* / *ἐπιθαλάσσιοι* / *ἐπὶ θαλάσση*, а также и с соответствующими древнеперсидскими параллелями³⁴. С. Хорнблауэр же переводит выражение *στρατηγός τῶν κάτω* как “general of the west” (с замечкой, что дословный перевод последнего слова – “of the men/things below”) и полагает, что выражение *τῶν κάτω* означает “on the coast” – на побережье³⁵. Итак, что же следует понимать под *κάτω*?

По представлениям Геродота (I. 105, 107, 108, 192), вся Азия делилась на две части: нижнюю (*κάτω*) (I. 72, 177) и верхнюю (*ἄνω*) (I. 95, 103; IV. 1), границей которых считалась р. Галис (I. 103). Обращаясь к письму Дария I к своему подданному Гадату, мы находим отражение этого деления. Царь хвалит Гадата за то, что он возвращивал деревья, привезенные из-за Евфрата, в частях – областях/странах нижней Азии – *ἐπ[ι] τὰ κάτω τῆς Ἀσίας μέ[ρ]η* (ML. 12). Заметим, что в письме говорится именно *ο* частях нижней Азии, что, возможно, соответствует полномочиям Гадата, который, по мнению ряда исследователей, был наместником в Ионии³⁶. Важное замечание по поводу последней терминологии сделал К. Таплин, который, поддержав мнение, что письмо Дария Гадату является поздней фальсификацией, заметил, что «географическая фразеология» *τὰ κάτω τῆς Ἀσίας* – чисто греческая³⁷. Таким образом, могут быть правы те со-

³³ Некоторые исследователи считают слово *στρατηγός* в данном контексте эквивалентом слова *σατράπης* (Keen 1998, 97; 1993, 89), однако вполне можно согласиться с возражениями Эндрюса на этот счет (Gomme, Andrewes, Dover 1981, 16).

³⁴ Gomme, Andrewes, Dover 1981, 15.

³⁵ Hornblower 2008, 764, 766.

³⁶ Cousin 1889, 534, note 1; Syll³. I. 22, note 3; ML. 12; Hornblower 1982, 19, note 109; Chaumont 1990, 588–590; Debord 1999, 118.

³⁷ Tuplin 2009, 164, 166. Об этом см.: Liddell, Scott 1996, s. v. *κάτω*.

временные исследователи, которые считают употребленное Фукидидом «греческое выражение» τῶν κάτω аналогом παραθαλάσσιοι / ἐπιθαλάσσιοι / ἐπὶ θαλάσση, и, соответственно, относится к западной Малой Азии – по эту сторону от реки Галис. Дополнительный аргумент в пользу такого отождествления предоставляет Ксенофонт (*Hell.* I. 4. 3) при описании статуса Кира Младшего после его прибытия в Малую Азию: царевич был назначен управляющим всеми в приморской области (πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ) и нес с собою письмо, скрепленное царской печатью, обращенное к жителям приморья – τοῖς κάτω πᾶσι (кроме того, что он был назначен сатрапом Лидии, Великой Фригии и Каппадокии: Xen. *Anab.* I. 9. 7).

Далее, можно вполне обоснованно заключить, что указанные древнегреческие определения вполне могли иметь также соответствующие древнеперсидские параллели, и с большой долей вероятности их можно увидеть во встречающемся в царских надписях выражении (*dahyāva*) *tayai drayahyā* – «(народы) которые на море [у моря]» (DB 6 H; DPe. 2 L; DSe. 4 I; XPh 3 Q). Довольно распространено мнение, что древнеперсидское *tayaiy drayahyā* обычно относилось к Геллеспонтской Фригии, а Р. Шмитт обратил внимание, что под словом *draya* – «море» – должна была пониматься Пропонтида³⁸. Следует, однако, возразить на это, заметив, что в персидских царских надписях едва ли само слово «море» имело столь конкретную географическую привязку (на что обратила внимание Х. Саншизи-Веерденбург)³⁹. Тем не менее, как уже было сказано выше, *tayaiy drayahyā* почти дословно соответствовало греческим определениям, относящимся к жителям приморья⁴⁰. Поэтому сама должность «военачальник приморских народов» не имела какой-то строгой привязки к сатрапии, и ею мог

³⁸ Schmitt 1972, 522–527. См. также: Weiskopf 1982, 15; Sekunda 1988b, 176.

³⁹ Sancisi-Weerdenburg 2001a, 2. Собственно говоря, во всех персидских надписях выражение *tayaiy drayahyā* встречается при перечислении стран и народов в составе Ахеменидской державы в следующих выражениях: 1) собственно *tyaiy drayahyā* (DB. 6 I); 2) *tyaiy uškahyā utā tyaiy drayahyā utā dahyāva tyā para draya* – «те, которые на материке, те, которые у моря, и те, которые за морем» (DPe. 2 K–M); 3) *tyaiy drayahyā utā tyaiy paradraya* – «те, которые у моря, и те, которые за морем» (DSe. 4 I–K; XPh 3 Q–R). В двух последних примерах перед этими выражениями стоит слово *Yaunā* – «ионийцы» (греки). По общепринятому мнению, деление на народы «на материке», «на море» и «за морем» относится именно к ним. В первом же случае такого не наблюдается, и слово *Yaunā* не выглядит связанным с *tayaiy drayahyā*. Мы здесь не будем вдаваться в сложную и неоднозначно решаемую в историографии проблему географической локализации различных категорий *Yaunā* (о чем см. подробнее: Seager, Tuplin 1980, 148–149; Sancisi-Weerdenburg 2001b, 323–346; Klinkott 2001, 107–148). Заметим, что если в этом месте подразумевается некая этническая общность (те же *Yaunā* – греки), но возникает вопрос: почему они не называются в тексте? Х. Саншизи-Веерденбург считает, что *tayaiy drayahyā* в DB. 6 I могло относиться к народам ближневосточного побережья от Египта до Малой Азии (Sancisi-Weerdenburg 2001a, 11).

⁴⁰ Саншизи-Веерденбург пыталась оспорить связь греческих географических ориентиров с древнеперсидскими (Sancisi-Weerdenburg 2001a, 11), однако мне думается, что такая взаимосвязь вполне очевидна, учитывая то обстоятельство, что греки действительно часто переводили древнеперсидские обозначения на свой язык.

обладать как сатрап в Даскилии, так и сатрап в Сардах⁴¹. И если, таким образом, соотносить *карана* со стратегом, такая конкретизация вполне имеет смысл. Однако она свидетельствует только о том, что те или иные персидские военачальники обладали правом командования войсками на / или с определенной территории, возможно, собирая войска из нескольких сатрапий. Так, например, в случае Кира Младшего его «область командования» определенно включала Лидию, Великую Фригию и Каппадокию (Хер. *Anab.* I. 1. 1, 9. 7). Это может предполагаться, в частности, его одновременным назначением как *караном*, так и сатрапом. В ряде случаев совпадения сатрапских полномочий и военного командования могло не быть по той причине, что, например, военачальник/*каран* назначался не из числа сатрапов, а присылался непосредственно царем и был его личным представителем, доверенным лицом. Такое положение дел можно допустить как в случае с царским хилиархом Гидарном, сыном Гидарна – στρατηγὸς δὲ τῶν παραθαλασσίων ἀνθρώπων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ (Hdt. VII. 135) после 486 г. до н. э., так и в случае с Тифравстом в 395 г. до н. э. – тоже хилиархом, которого царь направил с задачей заменить Тиссаферна на его посту (Diod. XIV. 80. 7).

В случае же с назначением Тиссаферна στρατηγὸς τῶν κάτω, «границы» его командования также могли совпадать с «границами» его сатрапских полномочий, но уже спустя почти десятилетие они могли превышать их, и этот вывод следует из замечания Ксенофонта (*Hell.* III. 2. 13) о том, что Фарнабаз пришел на помощь Тиссаферну, поскольку последний был назначен στρατηγὸς τῶν πάντων – «стратегом всех». Это же определение следует, очевидно, также рассматривать как еще один из вариантов конкретизации/уточнения полномочий персидского военачальника/*карана*, и оно (так же, как *стратег* или *сатрап* приморских народов Азии) должно было более соответствовать древнеперсидскому словоупотреблению, чем древнегреческому.

Уместные для данного случая параллели встречаются в ряде древнеперсидских надписей Дария I. В этих документах Дарий называется «царь стран/народов со всеми людьми» – *xšāyaθiya dahyūnām vispazanānām* (DNa 2 D; DSe 2 D; DZc 2 D)⁴². Подобные определения встречаются и в других источни-

⁴¹ Геродот (V. 25, 30) характеризует Отана, зятя царя Дария I, как στρατηγὸν τῶν παραθαλασσίων ἀνδρῶν, а Артаферна (I), сына Гистаспа, сатрапа Сард (Hdt. V. 25, 73, 123), – τῶν δ' ἐπιθαλασσίων τῶν ἐν τῇ Ἀσίῃ ἄρχει πάντων. При этом из текста Геродота создается впечатление, что Отан и Артаферн одновременно оба были *военачальниками*, однако каждый в своей области: «Затем царь (Дарий – Э. Р.) поставил сатрапом Сард своего младшего брата Артаферна... Отана же он назначил начальником войска в приморской области». С учетом отмеченного невозможно, чтобы оба были сатрапами в Сардах, и, таким образом, Отан, скорее всего, был сатрапом в Даскилии (Debord 1999, 93).

⁴² По данным лексикона Р. Кента (1951, 208), слово **vispazanā* – мидийского происхождения и образовано от сочетания двух слов: **vispa* – все и **zana* – человек. Другого рода определение «царь стран/народов со многими людьми» – *xšāyaθiya dahyūnām paruzanānām* – встречается уже в надписях Ксеркса и Дария II и приходит на смену предыдущему (XPa 2 D; XPb 2 D; XPs 2 D; XPd 2 D; XPf 2 D; XPh 2 D; XVa 2 D; DNa 2 D).

ках. По словам оратора Эсхина (III. 132. 5), Ксеркс в своих посланиях к грекам именовал себя «*владыкой всех народов от востока до заката*» (δεσπότης ἐστὶν ἀπάντων ἀνθρώπων ἀφ' ἡλίου ἀνιόντος μέχρι δυομένου)⁴³. В последнем примере следует обратить внимание на титул «*владыка... всех людей*» (δεσπότης ἀπάντων ἀνθρώπων) – очевидная параллель с обозначением должности «*военачальник всех (людей)*» (στρατηγὸς τῶν πάντων). Причем в последнем случае можно даже допустить, что στρατηγὸς τῶν πάντων представляла собой должность, в частности, отличную от στρατηγὸς τῶν κάτω, которой Тиссаферн обладал ранее, и означало повышение этого сатрапа в ранге военачальника/*карана*. Об этом, по крайней мере, в некотором роде свидетельствует то обстоятельство, что в 412 г. до н. э. Тиссаферн еще не имел у себя в подчинении Фарнабаза⁴⁴ (последний, вероятно, также был военачальником/*караном* по отношению к подвластным себе наместникам⁴⁵), однако в 397 г. до н. э., как недвусмысленно об этом свидетельствует Ксенофонт (*Hell.* III. 2. 13), подчинение одного сатрапа другому определенно имело место.

При употреблении выражения στρατηγὸς τῶν πάντων Ксенофонт (как и в случае с использованием им слова *κάρανος*) предоставляет фактически уникальную информацию, не встречающуюся ни у кого из других античных авторов (однако это не должно удивлять, учитывая степень осведомленности исто-

⁴³ Довольно близкие параллели обнаруживают заявления Дария I и Артаксеркса II о себе как о царях в земле великой и протяженной (*xšāyaθiya ahyāyā būmīyā vazrkāyā*) (DNa. 2 E; A²Нс. 3 C); в надписи Дария I из Персеполя царь говорит о границах своего могущества: от саков, что за Согдианой, до Куша, от Индии до Лидии (DPh. 2 D–H). Однако не исключено, что в письмах Ксеркса воспроизводилась ассирийская формула, если предположить, например, что текст был написан вавилонскими писцами, которые применительно к царю Персии использовали традиционные вавилонско-ассирийские обозначения царской власти. Так, в одном из документов ассирийского царя Асарахаддона заявлено: «Над людьми в его руках, молодыми и старыми, над всеми, кто находится от восхода до заката, Асарахаддон, царь Ассирии, является царем и повелителем» (Parpola, Watanabe 1988, 28).

⁴⁴ По мнению же С. Хорнблауэра, «Тиссаферн в 413 г. до н. э. был как территориальным сатрапом в Сардах, так и одновременно обладателем особого западного или прибрежного командования, но это его командование было ограничено главным образом греческими городами ионийского побережья, распространяясь, например, на Карию. Только годы спустя он получил должность “военачальник над всеми” с превосходством над Фарнабазом» (Hornblower 2008, 768). Фукидид называет некоторых подчиненных Тиссаферна – Стага (VIII. 16. 3), Тамоса – наместника Ионии (VIII. 31. 3), Арсака (VIII. 108. 4). Об этом см.: Рунг 1997, 108–116. Доказательство принадлежности Карию к сфере компетенции Тиссаферна можно увидеть в том, что именно этому сатрапу было поручено покончить с восстанием Аморга (Thuc. VIII. 5. 5). Д. М. Льюис полагает, что нельзя найти следов подчинения Фарнабаза Тиссаферну в тот период (Lewis 1977, 86). О независимых обращениях в Спарту двух сатрапов говорят Л. Митчелл и Дж. Коуквелл (Mitchell 1997, 115; Cawkwell 2005, 153).

⁴⁵ Можно предположить, что Фарнабаз, будучи сатрапом Геллеспонтской Фригии с центром в Даскилии, подобно Тиссаферну, также являлся военачальником/*караном* по отношению к территории, включавшей в себя Эолиду под управлением дарданца Зения (Xen. *Hell.* III. 1. 10: ἡ δὲ Αἰολίς αὐτῆ ἦν μὲν Фарναβάζου, ἐσατράλευε δ' αὐτῷ ταύτης τῆς χώρας... Ζῆνις Δαρδανεύς), Геллеспонтскую Фригию, Вифинию и Пафлагонию (Xen. *Hell.* IV. 1. 1–3). Только в начале спартано-персидской войны 400–394 гг. до н. э. Фарнабаз оказался в подчинении у Тиссаферна, о чем и говорит Ксенофонт (*Hell.* III. 2. 13).

рика о Персии и персах), и, таким образом, может переводить соответствующее древнеперсидское обозначение должности военного командира.

Однако возможно ли в сообщениях других античных авторов обнаружить определения, которые могут соответствовать *στρατηγὸς τῶν πάντων*? Представляется, что это слово *ἡγεμὼν* – «предводитель». Существует несколько случаев упоминания этого слова применительно к персидскому военачальнику, занимавшему положение главнокомандующего в регионе по отношению к другим военачальникам. Обратимся к примеру хилиарха Тифравста в 395 г. до н. э.

Ксенофонт (*Hell.* III. 4. 25) сообщает, что Тифравст был направлен царем с заданием умертвить Тиссаферна, но историк далее не комментирует официальный статус хилиарха после прибытия его в Малую Азию. Однако в этом нам помогает Диодор (XIV. 80. 7), который указывает, что при назначении Тифравста Артаксеркс направил письма городам и сатрапам с приказанием всем оказывать ему повиновение (*καταστήσας οὖν Τιθραύστην ἡγεμόνα, τούτῳ μὲν παρήγγειλε συλλαμβάνειν Τισσαφέρνην, πρὸς δὲ τὰς πόλεις καὶ τοὺς σατράπας ἔπεμψεν ἐπιστολὰς ὅπως [ἄν] πάντες τούτῳ ποιῶσι τὸ προσταττόμενον*).

Таким образом, можно допустить, что на время своего пребывания в Сардах этот военачальник занял место умерщвленного Тиссаферна – главнокомандующего в Малой Азии, т. е., если применить определение Ксенофонта, – *στρατηγὸς τῶν πάντων*. В пользу такого предположения говорит и тот факт, что после возвращения Тифравста ко двору царя должность главнокомандующего оставалась «вакантной», и ее надеялся заполучить Фарнабаз, как он об этом дал понять во время переговоров спартанскому царю Агесилаю (*Xen. Hell.* IV. 1. 37). Примечательно также и то, что в одном из сильно испорченных фрагментов Оксиринхского историка (XVI. 1) присутствует *πάντων* как раз в том месте, где сообщается о направлении Тифравста в Азию, и контекст сохранившихся слов может предполагать, что это прилагательное связано со словом *στρατηγός*. В другом фрагменте этого историка (XXII. 3) говорится о том, что Тифравст пробыл в Сардах совсем недолгое время, и, отправившись к царю, он назначил своими преемниками (очевидно, временно) сатрапов Ариея и Пасиферна. Последние характеризуются историком как *στρατηγούς ἐπὶ τῶν πραγμάτων*, однако в данном конкретном случае невозможно понять, является ли это определение *terminus technicus*. Не исключено, в частности, что это выражение представляет собой перевод/интерпретацию названия должности персидских военачальников в случае осуществления ими совместного командования. Но это, конечно, не более чем предположение.

Другой пример, когда античный автор (снова Диодор) употребляет слово *ἡγεμὼν* по отношению к персидскому командиру с указанием на его верховное командование в Малой Азии, – это случай Ментора Родосского. В одном месте Диодор (XVI. 50. 7) замечает, что Ментор за свои заслуги перед царем был назначен «величайшим предводителем» в приморских районах Азии (*ἐν τοῖς παραθαλαττίοις μέρεσι τῆς Ἀσίας ἡγεμὼν μέγιστος ἀποδειχθεὶς*), а в другом (XVI. 52. 2) – говорит, что царь назначил его сатрапом на побережье Азии (*ἀπέδειξε δὲ σατράπην τῆς κατὰ τὴν Ἀσίαν παραλίας*) и полномочным стратегом

в войне с мятежниками (καὶ τὸν πρὸς τοὺς ἀφεστηκότας πόλεμον ἐπέτρεψεν, αὐτοκράτορα στρατηγὸν ἀποδείξας). Представляется очень вероятным, что в восприятии Диодора должность στρατηγὸς τῶν πάντων могла соотноситься как с определением στρατηγὸς αὐτοκράτωρ, так и со словом ἡγεμὼν μέγιστος. Но существуют случаи использования слова στρατηγός (тоже, очевидно, как эквивалент *карана*), о которых следует сказать особо. Прежде всего, это военачальники, которые упоминаются в источниках без указания их полномочий: таковым был Мардоний, которого царь назначил военачальником во время экспедиции против Греции в 492 г. до н. э. (Hdt. VI. 43).

Кроме того, нередко царские военачальники действуют совместно, причем степень соподчиненности их друг другу далеко не ясна. Примерами того являются персидские командиры, которые участвовали обычно в разгроме мятежей, когда царь Персии требовал объединения их усилий. При подавлении Ионийского восстания на различных театрах военных действий во главе персидских войск находились Даврис, Гимей, Аморг, Сисимак и Гарпаг (Hdt. V. 110–113, 116, 121; VI. 28). В период военных действий против мятежного сатрапа Писсуфна персидскими войсками командовали сразу три военачальника – Тиссаферн, Спифрадат и Пармис (Ctesias. *Pers.* 15 § 53).

Во время многочисленных попыток восстановления персидского контроля над Египтом во главе собранного войска обычно находились сразу несколько военачальников. Так, в 450-е гг. до н. э. Мегабиз и Артабаз возглавляли армию, которая принимала участие в военной кампании против Египта и в борьбе с Кимоном на Кипре (Diod. XI. 74. 6, 75. 1, 77. 4; XII. 3. 2, 4. 5); в 380-е гг. до н. э. Аброком, Тифравст и Фарнабаз руководили персидским вторжением в Египет (Isocr. IV. 140); в 344/3 г. до н. э. Артаксеркс III Ох во время приготовления к завоеванию Египта разделил свою армию на три части, каждой назначив своего военачальника: Росака, Багоя и Ментора (Diod. XVI. 47. 2–4). Во главе персидской армии в битве при Гранике против Александра Великого, по данным Арриана (*Anab.* I. 8. 12), находились военачальники (στρατηγοί) Арсам, Реомифр, Петин и Нифат, а также и сатрапы – Спифрадат, сатрап Ионии и Лидии, и Арсит – Геллеспонтской Фригии.

Также существовало разделение сухопутного и морского командований во время военных операций. Датис и Артаферн находились во главе флота и армии во время экспедиции против Афин в 490 г. до н. э. (Hdt. VI. 94; Ctesias. *Pers.* 13 § 22). Автофрадат и Гекатомн (Theop. FGrH. 115. F. 103), а затем Оронт и Тирибаз (Diod. XV. 2. 2) предводительствовали соответственно армией и флотом в Кипрской войне против Эвагора Саламинского 390–380 гг. до н. э. Это далеко не полный список персидских военачальников, которые принимали участие в различных военных кампаниях. Все они, очевидно, не имели регионального командования или действовали за пределами тех регионов, куда они были назначены командирами.

Однако объединенное командование, которое Дарий III предоставил Мемнону в 334 г. до н. э. в войне против Александра, – общее руководство как персидскими сухопутными силами, так и флотом (Arr. *Anab.* I. 20. 2: τῆς τε κάτω

Ἀσίας καὶ τοῦ ναυτικοῦ παντὸς ἡγεμόνων; II. 1. 2: τοῦ τε ναυτικοῦ παντὸς ἡγεμόνων... καὶ τῆς παραλίου ξυμπάσης), – могло также считаться экстраординарным и быть сопоставимо с полномочиями других персидских военачальников, обозначаемых в уже названных греческих источниках определениями στρατηγὸς τῶν πάντων (Xen. *Hell.* III. 2. 13), ἡγεμόνων (Diod. XIV. 80. 7; XVI. 50. 7) и στρατηγὸς αὐτοκράτωρ (Diod. XVI. 52. 2).

Наконец, в армии, бывшей под предводительством самого царя, военачальники/*караны* возглавляли свои этнические контингенты (в войске Ксеркса⁴⁶ и Дария III⁴⁷) и, в свою очередь, подчинялись не только самому Великому царю, но и назначенным предводителям всего войска. Согласно сведениям Геродота (VII. 82), во главе всего сухопутного войска Ксеркса находились семь военачальников – Мардоний, Тритантехм, Смердомен, Масист, Гергис, Мегабиз и Гидарн. Ксенофонт (*Anab.* I. 7. 11) сообщает, что во главе армии Артаксеркса II было четыре военных командира – Аброком, Тиссаферн, Гобрий и Арбак. Следует обратиться к проблеме топархий.

Часто исследователи полагают, что Ахеменидская империя делилась не только на сатрапии, но и на более крупные военно-административные единицы во главе с *каранами*, которые они называют *топархиями* (при Ксерксе было семь *топархий*, а при Артаксерксе II – только четыре), и одной из таких *топархий* была Малая Азия⁴⁸. Основанием же для такого вывода о количестве *топархий* являются как раз упомянутые сведения Геродота (VII. 82) и Ксенофонта (*Anab.* I. 7. 11). Однако, как обратил внимание Р. К. Баркворт⁴⁹, сведения Геродота едва ли могут свидетельствовать в пользу существования топархий, ибо названные «отцом истории» главнокомандующие относились только лишь к сухопутному войску – τοῦ σύμπαντος στρατοῦ τοῦ πεζοῦ (причем их было всего шесть, а не семь, ибо еще один Гидарн возглавлял десять тысяч «бессмертных»). Отдельно же Геродот называет трех начальников конницы (VII. 88) и четырех флотоводцев (VII. 97). Сведения Ксенофонта (*Anab.* I. 7. 11–12), однако, могут свидетельствовать в пользу существования в конце V в. до н. э. территориального командования:

«Военачальников царского войска было четверо, и каждый имел по 300 000 чел. (τοῦ δὲ βασιλέως στρατεύματος ἦσαν ἄρχοντες καὶ στρατηγοὶ καὶ ἡγεμόνες τέτταρες, τριάκοντα μυριάδων ἕκαστος) – Аброком, Тиссаферн, Гобрий, Арбак. Из них участвовало в сражении 900 000 и 150 серпоносных колесниц, ибо Аброком, идя из Финикии, опоздал к сражению на пять дней».

⁴⁶ Это видно хотя бы по Геродотову списку персидских командиров (VII. 61–83), стоявших во главе тех или иных этнических контингентов в армии Ксеркса в 480 г. до н. э. (подробнее см.: Barkworth 1993, 149–167). Геродот (VII. 81) также предоставляет сведения о структуре командования персидской армии.

⁴⁷ Об армии Дария III накануне битвы при Гавгамелах см.: Arr. *Anab.* III. 8. 3–6.

⁴⁸ Meyer 1954, 70; Ehtecham 1946, 70–73, 103; Дандамаев 1980, 228–229; Dandamaev 2004, 221.

⁴⁹ Barkworth 1993, 151.

В этом сообщении особо примечательно необычное определение «военных» должностей историком, для характеристики которых он использует сразу три термина: ἄρχοντες, στρατηγοί, ἡγεμόνες. Следует предположить, однако, что первая должность указывала на осуществление сатрапских полномочий, вторая – военного командования, а третья – общего руководства объединенными военными силами. В таком случае слово στρατηγός могло означать должность карана как «регионального командира», а ἡγεμόν – карана как главнокомандующего.

Каждый из упомянутых историком четырех военачальников/*каранов* должен был возглавлять военную группировку из одного округа, объединяющего несколько сатрапий: Аброком – из Сирии и Финикии (Xen. *Anab.* I. 4. 5), Тиссаферн – Малой Азии, Арбак – Мидии (сатрап этой области: Xen. *Anab.* VII. 8. 25), а Гобрий – Вавилона и прилегающих районов (он был правителем Вавилона в 420–417 гг. до н. э.⁵⁰). При этом армия каждого из *каранов* должна была включать в себя как пехоту, так и конницу. Об этом свидетельствует не только упоминание всадников в белых панцирях (карийцы?) под командованием Тиссаферна в самой битве при Кунаксе (Xen. *Anab.* I. 8. 9), но и сведения о том, что во время спартано-персидской войны в 397 г. до н. э. оба сатрапа и *карана*, Тиссаферн и Фарнабаз, возглавляли войско, состоявшее из 20 000 чел. пехоты и 10 000 конниц (Diod. XIV. 39. 4), а в битве при Сардах весной 395 г. до н. э. один только Тиссаферн имел в своем распоряжении 50 000 чел. пехоты и 10 000 всадников (Diod. XIV. 80. 1). При таком подходе к определению численности персидского войска, который демонстрирует Ксенофонт в описании битвы при Кунаксе, учитывается не реальное количество воинов в 300 000 чел.⁵¹, но «штатное», то, которое должен был по поручению царя собрать каждый из военачальников/*каранов* в подвластном ему округе. Ведь, например, весьма маловероятно, чтобы Тиссаферн, официально назначенный *караном* приморской области – в Малой Азии, мог собрать необходимую численность войска, принимая во внимание, что большую часть подвластного ему региона в 401 г. до н. э. еще контролировал Кир Младший⁵². Подобным образом дело обстояло и со сбором флота, который должны были представлять два приморских округа – Малая Азия и Финикия. В источниках неоднократно фигурирует «штатная» численность персидского флота из одного округа – 300 кораблей⁵³, однако реальное количество собираемых кораблей было, конечно,

⁵⁰ Stolper 1994, 252.

⁵¹ Геродот (VIII. 100–101, 113) сообщает, что Ксеркс, оставляя Мардония в Греции, позволил ему иметь 300 000 чел., которых сам военачальник отобрал из всего персидского войска. Таким образом, указанная численность была далеко не случайной, а соответствовала той, которой должны были предводительствовать персидские «региональные представители власти», совмещавшие должности военачальника и сатрапа и обладавшие административными и военными функциями, которых Ксенофонт называет словом *κάρανος*.

⁵² См.: Рунг 2012, 32–34.

⁵³ 300 кораблей – обычная численность финикийской эскадры, которую должны были собирать персы в разные времена по приказанию царя (Hdt. VII. 89. 1; Diod. XII. 3. 2; Xen. *Hell.* III. 4. 1). В целом наблюдается тенденция к снижению «штатной» численности персидского флота с 600 кораблей, которые персы должны были собирать в начале V в. до н. э. (Hdt.

существенно меньше, и во главе эскадры традиционно находился свой флотоводец. Таким образом, крупные округа, по которым происходил набор войска, действительно имели место.

Однако гипотеза о существовании *топархий* не находит всеобщей поддержки в современной историографии. Так, Дж. М. Кук полагает, что концентрация значительных военных сил Персии была связана не с постоянным территориальным командованием, но с кампаниями, для которых армии были собраны⁵⁴. Эти две точки зрения не представляются мне взаимоисключающими. Дело в том, что исследование системы персидского военного командования показывает, во-первых, что сатрапы осуществляли руководство войсками, но далеко не все персидские военачальники обладали статусом сатрапа, а во-вторых, кроме того, существовала практика назначения главнокомандующих, руководивших объединенными силами военачальников и/или сатрапов. Но назначение *карана* на время военной экспедиции для руководства войсками совсем не исключает того факта, что тот же самый военачальник/*каран* должен был сам заниматься комплектованием своей собственной армии на той или иной территории, активно привлекая под свое начало военные силы местных династов и/или сатрапов. И в таком случае, конечно, полномочия *карана* определялись не самой этой должностью, но указанием территории, на которую распространялась власть персидского командира.

Однако насколько правомочно называть эту территорию *топархией*? Дело в том, что, хотя такие регионы, по которым происходило комплектование войска, действительно существовали в Ахеменидской империи, их обозначение неизвестно, и слово *топархия* в данном случае – не *terminus technicus*. Что касается Кира Младшего, то его официальный статус проистекал из назначения *κάρανος/στρατηγός* тех, которые собираются в долине Кастола: τῶν εἰς Καστωλὸν ἀθροίζομένων (Xen. *Hell.* I. 4. 3), πάντων ὅσοι ἐς Καστωλοῦ πεδῖον ἀθροίζονται (Xen. *Anab.* I. 1. 1), πάντων... οἷς καθήκει εἰς Καστωλοῦ πεδῖον ἀθροίζεσθαι (Xen. *Anab.* I. 9. 7). Однако, как можно судить по другим сообщениям античных авторов, положение Кира определялось должностью военачальника/*карана* жителей приморья – πάντων τῶν ἐπὶ θαλάττῃ (Xen. *Hell.* I. 4. 3; Plut. *Artax.* 2. 5; Diod. XIV. 19. 2, 26. 4). И все же представляется, что еще до назначения Тиссаферна главнокомандующим в Малой Азии в качестве *στρατηγός τῶν πάντων* Кир Младший должен был получить аналогичную должность, о чем свидетельствует подчинение ему в тот момент обоих малоазийских сатрапов – Тиссаферна (*Hell.* I. 5. 9) и Фарнабаза (*Hell.* I. 4. 5).

Ксенофонт (*Oec.* IV. 5–7) поясняет с большой степенью подробности порядок сбора войска по приказу персидского царя: эти войска должны были созываться в «сборное место» (σύλλογος), где их инспектировал либо сам царь лично, либо его доверенные представители (πιστοί). Надо думать, что долина

VI. 9. 1; Phanodem. FGrH. 325 F. 22), до 300 кораблей. Однако реальная численность эскадры была, конечно, меньше (147 кораблей в 411 г. до н. э.: Thuc. VIII. 87. 3; 90 кораблей в 396 г.: Diod. XV. 79. 8; *Hell. Oxy.* XII. 2).

⁵⁴ Cook 1985, 268–269.

Кастола, расположенная в Лидии (Steph. Byz., s. v. Καστώλου πεδίου), и была одним из таких «сборных мест», куда созывались войска под командованием своих командиров, в том числе и подчиненных сатрапов, из округа командования Кира Младшего⁵⁵. Следует задаться рядом вопросов. Во-первых, существовали ли эти «сборные места» постоянно или же они могли определяться приказами царя и/или военачальника в зависимости от конкретной обстановки? Какие еще «сборные места» упоминаются в источниках в связи с деятельностью персидских военачальников? К сожалению, на первый вопрос невозможно ответить определенно. Что касается второго вопроса, то такое «сборное место» могло располагаться где-то на побережье Киликии (не исключено, в Тарсе), где Мардоний во главе сухопутной армии встретился с флотом в преддверии своего похода против Греции в 492 г. до н. э. (Hdt. VI. 43). Но был ли этот пункт постоянным местом сбора войск или он был определен самим Мардонием (последний вариант представляется более вероятным)? Криталла могла считаться «сборным местом» в Каппадокии царя Ксеркса перед его масштабной экспедицией против Греции в 481 г. до н. э. (Hdt. VII. 26). Далее, Ксенофонт (*Hell.* III. 4. 21) сообщает, что накануне битвы при Сардах в 395 г. до н. э. Тиссаферн собрал свою пехоту в Карики (καὶ τὸ τε πεζὸν καθάπερ τὸ πρόσθεν εἰς Καρίαν διεβίβασε), а конницу – в долине Меандра (τὸ ἵπτικὸν εἰς τὸ Μαϊάνδρου πεδίου κατέστησεν). Возможно, в данном случае было уже два «сборных места» – одно для пехоты, а другое для кавалерии. Если считать, что эти примеры имеют отношение к упомянутым у Ксенофонта σύλλογοι (*Oec.* IV. 5–7), то можно более определенно утверждать, что военачальники/*караны* могли сами определять «сборные места».

* * *

Итак, приведенные свидетельства, на мой взгляд, показывают, что считать *каранов* только лишь главнокомандующими было бы ошибочно. Важно отметить, что, по всей видимости, военачальники того или иного ранга хотя и могли также называться *каранами*, но они не были равны друг другу по статусу. Источники позволяют нам считать *карана* «региональным военачальником» персов, а также командиром армии в различных кампаниях или предводителем подразделения в войске Великого царя.

The title of an army commander in the Achaemenid Empire

E. V. Rung

The *karanos* in the Achaemenid Empire was the Persian commander-in-chief who commanded an army (*kāra*) in a number of campaigns having *satraps* as his subordinates. Investigation of the term *karanos* attests that its literal meaning is an

⁵⁵ Э. Кин вполне справедливо доказывает, что назначение сатрапом и *караном* Кира не привело к тому, что прежние сатрапы, теперь подчинявшиеся царевичу, потеряли свои должности (Keen 1993, 88–95).

army commander. Therefore, on the one hand, one needs to associate any Persian general with *κάρανος* and, on the other hand, to dissociate the latter from the satrap. The word *κάρανος* occurs only in Xenophon, *Hellenica* I. 4. 3, where it is the title of Cyrus the Younger in Asia Minor in 408 BC and is interpreted as *κύριος* (“head”). Xenophon in his *Anabasis* I. 1. 1, 9. 7 used *στρατηγός* as a more exact term for a *κάρανος* than *κύριος*.

Old-Persian **kārana* was derived from *kāra* – *people / army*, and it makes no difference whether **kārana* originated from *kāra* by means of a suffix – *na / no* (as D. Treten concludes) or was from **kāra-naya* – “the army leader” (the verb *nay* in *Sanskrit* may be translated as “to lead”) (as N. Sekunda suggests). It is also significant that the Greek word *στρατηγός* originated from *στρατός* and *ἄγω*: this may have prompted Xenophon to interpret *κάρανος* as *στρατηγός*.

The word **kārana* does not occur in Old Persian royal inscriptions, but it is found twice in the Elamite tablets in PF 1300: 3, 1384: 3, where there is a reference to the personal name *Kārana/Kārīna* – a derivative from OP *kāra*. This word occurs often in the Behistun inscription of Darius I, where it meant the army under the leadership of a proper commander. If one can correlate *κάρανος* and *στρατηγός* it may be concluded that all Persian generals mentioned by ancient authors may be considered as *karanoi*. In this case, one needs to differentiate the *karanos* as commander-in-chief from the *karanos* as (simply) a *general* without the right of supreme command in the region. The king might appoint a *karanos* from his *satraps* or *chiliarchs* or send his personal representative.

Литература

1. Бенвенист Э. 1995: Словарь индоевропейских социальных терминов. М.
2. Дандамаев М. А., Луконин В. Г. 1980: Культура и экономика древнего Ирана. М.
3. Рунг Э. В. 2012: Тиссаферн и Гидарниды в контексте политической истории Ахеменидской державы в V в. до н. э. // ВДИ. 1, 16–39.
4. Рунг Э. В., Орлов В. П. 2016: Имя «Масист» в истории Ахеменидской империи // ПИФК. 2, 83–91.
5. Barkworth P. R. 1993: The Organization of Xerxes’ army // IA. 27, 149–167.
6. Briant P. 2002: From Cyrus to Alexander. A History of the Persian Empire / P. T. Daniels (trans.). Winona Lake, Indiana.
7. Cawkwell G. L. 2005: The Greek Wars. The Failure of Persia. Oxford.
8. Chantraine P. 1968: Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire de mots. Paris.
9. Chaumont M.-L. 1990: Un nouveau gouverneur de Sardes achéménide d’après une inscription récemment découverte // Syria. 67, 579–608.
10. Cook J. M. 1985: The Rise of the Achaemenids and the Establishment of Their Empire // CHI. 2, 200–291.
11. Cousin G., Deschamps G. 1889: Lettre de Darius, fils d’Hystaspes // BCH. 13. 1, 529–542.

12. *Dalley S.* 1985: Foreign Chariotry and Cavalry in the Armies of Tiglath-Piliser III and Sargon II // *Iraq*. 47, 31–48.
13. *Dandamaev M. A., Lukonin V. G.* 2004: *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran* / Ph. L. Kohl, D. J. Dadson (trans.). Cambridge.
14. *Debord P.* 1999: *L'Asie Mineure au IV siècle (412–323 a.C.). Pouvoirs et jeux politiques.* Bordeaux.
15. *Folmer M. L.* 1995: *The Aramaic Language in the Achaemenid Period. A Study in Linguistic Variation.* Leuven.
16. *Frisk H.* 1960: *Griechisches etymologisches Wörterbuch.* 1. Heidelberg.
17. *Gomme A. W., Andrewes A., Dover K. J.* 1981: *A Historical Commentary on Thucydides.* 5: Book VIII. Oxford.
18. *Greenfield J. C., Porten B.* 1982: *The Bisitun inscription of Darius the Great. Aramaic Version. Text, Translation and Commentary.* London.
19. *Ehrtcham M.* 1946: *L'Iran sous les Achéménides.* Freiburg.
20. *Haebler C.* 1982: *Κάρανος.* Eine sprachwissenschaftliche Betrachtung zu Xen. *Hell.* I. 4. 3 // *Serta Indogermanica.* Festschrift für Günter Neumann zum 60. Geburtstag / J. Tischer (Hrsg.). Innsbruck.
21. *Heckel W.* 1996: *Who's Who in the Age of Alexander the Great. Prosopography of Alexander's Empire.* Oxford.
22. *Hornblower S.* 1982: *Mausolus.* Oxford.
23. *Hornblower S.* 2008: *A Commentary on Thucydides.* 3. Oxford.
24. *Hyland J.* 2013: *Vishtaspa Krny: An Achaemenid Military Official in 4th-century Bactria* // *ARTA: Achaemenid Research on Texts and Archaeology* 002, 1–7 (<http://www.achemenet.com/document/2013.002-Hyland.pdf>).
25. *Keen A. G.* 1993: *Persian Karanoi and their Relationship to the Satrapal System* // *Ancient History in a Modern University: Proceedings of a Conference Held at Macquarie University, 8–13 July, 1993.* 1, 89–95.
26. *Keen A. G.* 1998: *Persian Policy in the Aegean, 412–386 B. C.* // *JAC.* 13, 93–110.
27. *Kent R.* 1950: *Old Persian. Grammar. Texts. Lexicon.* New Haven.
28. *Klinkott H.* 2001: *Yauna – Die Griechen aus persischer Sicht?* // *Anatolien in Lichte kultureller Wechselwirkungen. Akkulturationsphänomene in Kleinasien und seinen Nachbarregionen während des 2. und 1. Jahrtausends v. Chr.* / H. Klinkott (Hrsg.). Tübingen, 107–148.
29. *Klinkott H.* 2005: *Der Satrap. Ein achaemenidischer Amsträger und seine Handlungsspielräume.* Frankfurt am Main.
30. *Kuhrt A.* 2007. *The Persian Empire. A Corpus of Sources from the Achaemenid Period.* 1. Oxford.
31. *Lewis D. M.* 1977: *Sparta and Persia. Lectures delivered at the University of Cincinnati, autumn 1976 in memory of Donald W. Bradeen (Cincinnati Classical Studies, 1).* Leiden.
32. *Liddell H. G., Scott R.* 1996: *A Greek-English Lexicon* / compiled by H. G. Liddell and R. Scott; Rev. and Augm. Throughout by Sir H. S. Jones; with the

Assistance of R. McKenzie and with the Cooperation of Many Scholars. New Supplement. Oxford.

33. *Meyer E.* 1954: *Geschichte des Altertums*. 3. Stuttgart.

34. *Mitchell L. G.* 1997: *Greek Bearing Gifts. The public use of private relationship in the Greek World, 435–323 B. C.* Cambridge.

35. *Naveh J., Shaked S.* 2012: *Aramaic Documents from Ancient Bactria (Fourth Century BCE). From the Khalili Collections.* London.

36. *Partola S., Watanabe K.* 1988: *State Archives of Assyria 2: Neo-Assyrian Treaties and Loyalty Oath.* Helsinki.

37. *Petit T.* 1983: *Étude d'une fonction militaire sous la dynastie perse achéménide (Κάρανος; Xenophon, Helléniques, I, 4, 3) // ÉCl. 51, 35–45.*

38. *Petit T.* 1990: *Satrapes et satrapies dans l'empire achéménide de Cyrus le Grand à Xèrxes I-er.* Paris.

39. *Postgate J. N.* 2000: *The Assyrian Army in Zamua // Iraq. 62, 89–108.*

40. *Reade J. F.* 1972: *The Neo-Assyrian Court and Army: Evidence from the Sculptures // Iraq. 34, 87–112.*

41. *Reiner E., Roth M. T.* 1999: *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.* 14 R. Chicago.

42. *Rung E.* 2015: *Some Notes on Karanos in the Achaemenid Empire // IA. 50, 333–356.*

43. *Ruzicka S.* 1985: *Cyrus and Tissaphernes, 407–401 B. C. // CJ. 80, 204–211.*

44. *Sancisi-Weerdenburg H.* 2001a: *The Problem of the Yaunā // Achaemenid Anatolia. Proceedings of the First International Symposium on Anatolia in the Achaemenid Period / T. Bakir (ed.). Bandirma, 15–18 August 1997. Leiden, 1–11.*

45. *Sancisi-Weerdenburg H.* 2001b: *Yaunā by the Sea and across the Sea // Ancient Perceptions of Greek Ethnicity / I. Malkin (ed.). Cambridge, MA, 323–346.*

46. *Schmitt R.* 1972: *Die achämenidische Satrapie “tayaiy drayahyā” // Historica. 21, 522–527.*

47. *Schmitt R.* 2002: *Die iranischen und Iranier-Namen in den Schriften Xenophons (Iranica Graeca Vetustiora, 2).* Wien.

48. *Schmitt R.* 2009: *Die altpersischen Inschriften der Achaimeniden. Editio minor mit deutscher Übersetzung.* Wiesbaden.

49. *Seager R., Tuplin C. J.* 1980: *The Freedom of the Greeks of Asia: on the Origins of a Concept and the Creation of a Slogan // JHS. 100, 141–154.*

50. *Sekunda N.* 1988a: *Achaemenid Military Terminology // AMI. 21, 69–77.*

51. *Sekunda N.* 1988b: *Persian Settlement in Hellespontine Phrygia // Achaemenid History. 3: Method and Theory / A. Kuhrt, H. Sancisi-Weerdenburg (eds). Leiden, 175–195.*

52. *Sellwood D.* 1983: *Parthian Coins // CHI. 3, 279–298.*

53. *Shaeygan M. R.* 2011: *Arsacids and Sasanians: Political Ideology in Post-Hellenistic and Late Antique Persia.* Cambridge.

54. *Stolper M. W.* 1994: *Mesopotamia, 482–330 BC // CAH². 6, 234–260.*

55. *Stolper M. W.* 2006: *Iranica in post-Achaemenid Babylonian Texts // La transition entre l'empire achéménide et les royaumes hellénistiques (Persika, 9) / P. Briant, F. Joannès (éd.). Paris, 223–260.*

56. *Tavernier J.* 2007: *Iranica in the Achaemenid Period (ca. 550–330 B. C.). Lexicon of Old Iranian Proper Names and Loanwords, attested in Non-Iranian Texts. Leuven.*

57. *Treten D.* 1991: *Κάρανος = κύριον // Glotta. 69, 173–174.*

58. *Tuplin C. J.* 2007: *A Foreigner's Perspective: Xenophon in Anatolia // The Achaemenid Impact on Local Populations and Cultures in Anatolia (Sixth-Fourth Centuries B. C.). Papers Presented at the International Workshop Istanbul 20–21 May 2005 / I. Delemen (ed.). Ankara, 7–31.*

59. *Tuplin C. J.* 2009: *The Gadatas Letter // Greek History and Epigraphy: Essays in Honor of P. J. Rhodes / L. G. Mitchell, L. Rubinstein (eds). Swansea, 155–184.*

60. *Weiskopf M. N.* 1982: *Achaemenid Systems of Governing in Anatolia. PhD Diss. Berkeley.*

61. *Widengren G.* 1969: *Der Feudalismus im alten Iran. Köln; Opladen.*

62. *Wiesehöfer J.* 1994: *Das Frühe Persien. Geschichte eines antiken Weltreichs. Zürich; München.*

63. *Wiesehöfer J.* 1996: *Ancient Persia from 550 B. C. to 650 A. D. London.*

